

Владимир ШВЕЙЦЕР

НА НЕВИДИМОМ ФРОНТЕ БОРЬБЫ С ФАШИЗМОМ

В советские времена День Победы в нашем семейном кругу отмечался особенно торжественно. Собиралась родня, мужская часть которой – фронтовики, украшавшие свою грудь правительственными наградами различного достоинства. На их фоне отец и мать, хотя и не принимавшие участия в боевых действиях, также не выглядели сторонними наблюдателями. Об их вкладе в победу над фашизмом я хочу рассказать без особых пафосных эпитетов, проиллюстрировав этот факт рядом эпизодов чекистской работы родителей в те нелёгкие для нашей страны годы. Эта работа дополняла титанические усилия, которые советский народ приложил для разгрома милитаристской машины гитлеризма. Сегодня, когда мир так же неспокоен и человеконенавистнические идеологемы подчас проникают в сознание части жителей нашей планеты, совсем нелишне вспомнить об уроках истории, забыв которые можно вновь оказаться на пороге опасного для мира развития международных событий.

Под крышей торгпредства в Берлине

В органы госбезопасности родители пришли разными путями. Отец – Яков Владимирович Швейцер, уроженец г. Екатеринослава (последовательно переименованного в Днепропетровск, а позже в Днепр), по комсомольской путёвке был направлен на журналистскую работу в Дагестан. Однако журналистом он пробыл сравнительно недолго. На него обратили внимание работники местного ОГПУ, заинтересованные в пополнении своих рядов образованной молодёжью. В Дагестане отец проработал несколько лет. Выполняя оперативные задания по борьбе с местной контрреволюцией (сегодня таких людей можно назвать исламскими фундаменталистами), Я.В. Швейцер получил пулевое ранение в ногу. Следствием этого стала её ампутация и непригодность инвалида к оперативной работе.

Но органы госбезопасности отец не покинул. Пригодились его хорошее знание немецкого языка, который Я.В. Швейцер освоил, общаясь в годы Первой мировой

© **Швейцер Владимир Яковлевич** – доктор исторических наук, руководитель Отдела социальных и политических исследований, главный научный сотрудник ИЕ РАН.
Адрес: 125009 Россия, Москва, ул. Моховая 11-3. **E-mail:** partsist@list.ru

войны с военнопленными немцами и австрийцами. После Дагестана он был переведен на службу в центральный аппарат ОГПУ-НКВД, где, с учётом прихода Гитлера к власти, начали формировать кадры для работы в Германии. Это направление развивалось на базе Высшей школы НКВД слушателем, а затем и сотрудником которой стал мой отец. Понимая, какую угрозу для СССР представляет гитлеровская Германия, чекистское руководство поставило задачу создать сеть нелегальных информаторов из числа граждан Германии, настроенных негативно по отношению к гитлеризму. Их вербовкой должны были заниматься чекисты, внедренные в различные советские учреждения в Германии. Ключевую роль здесь играли посольство и торговое представительство СССР в Берлине. К последнему и был в 1936–1937 гг. прикомандирован Я.В. Швейцер, официально считавшийся экспертом по закупке необходимого для СССР технического оборудования. Этот статус позволял ему посещать различные предприятия Германии, где в общении с местным инженерным и техническим персоналом он мог подбирать людей, готовых информировать СССР обо всем, что было важно в интересах обеспечения безопасности нашего государства.

В стенах торгпредства познакомилась, а потом и стали супругами мои родители. До командировки в Берлин моя мама более 10 лет работала в наркомате внешней торговли (НКВТ) в качестве секретаря-стенографистки, хорошо владевшей немецким языком.

Достоин упоминания один эпизод, имевший непосредственное отношение к началу её работы в торгпредстве. Наряду с другими сотрудниками ей было поручено собрать, опираясь на различные источники, материал о т.н. “путче Рэма”, кровавых июльских событиях 1934 г., приведших к уничтожению Ю. Рэма, возглавлявшего СА, считавшегося вторым после Гитлера человеком в нацистской иерархии. Мать подготовила небольшой аналитический обзор по заданной теме, в который она включила не только материалы прессы, но и сведения, полученные ею в процессе общения с простыми берлинцами. Был сделан вывод, что далеко не все немцы верили в официальную версию случившегося (борьба с гомосексуализмом Рэма и его сподвижников в СА), видя в этом событии политический след¹. Мамин отчет понравился не только начальству в торгпредстве и посольстве, но и получил положительную оценку в Москве. По возвращении из берлинской командировки она была переведена на работу в НКВД, прослужив в органах государственной безопасности вплоть до ухода на пенсию в звании майора весной 1960 г.

Война на пороге

Итак, мои родители стали не только супругами, но и сослуживцами. Правда, работали они в различных подразделениях НКВД. Отец вернулся в Высшую школу

¹ Интерес Сталина к “рэмовскому путчу” и всему, что с этим было связано, представляется неслучайным. Именно в 1934 г., после XVII съезда ВКП(б), когда многие делегаты не поддержали его кандидатуру на пост генсека, у него возникла идея ликвидации тех, кто отказал ему в доверии. Гитлеровский опыт решения этого вопроса был также взят на вооружение, о чем свидетельствовали “показательные процессы” 1937–1938 гг.

НКВД, мать попала в спецгруппу при наркомате НКГБ, собиравшую информацию визуального и оперативного характера об иностранных посольствах в Москве. Это подразделение контролировало и германское посольство. Она выполняла наблюдательные функции в формально существовавшей милицейской охране посольства. Изучив фото всех сотрудников дипломатического ведомства, мать могла сообщать начальству о перемещениях и разговорах посольских работников. Идентифицировала она стенографически и звуковую информацию, полученную от “прослушки”. Впрочем, вскоре начальству стало ясно, что “милиционеры” хорошо известны германским разведчикам, составлявшим большинство штата посольства. У них имелось фотодосье на советских граждан, работавших в 30-е годы в Берлине. Разоблачена была и моя мать, причём с известным чувством немецкого юмора. Во время одного из дежурств к ней подошёл советник германского посольства Хильгер, задавший каверзный вопрос: “Госпожа Челнокова (фамилия первого мужа), вы, кажется, оставили свою прежнюю работу во Внешторге?”. Мать сразу же сообщила начальству об этом происшествии, однако было решено, что снимать с поста опытного сотрудника нецелесообразно, и мать продолжала в милицейской форме выходить на пост у посольства Германии. Она первой сообщила в середине июня 1941 г. о том, что из трубы посольства, несмотря на жаркое время, постоянно идёт дым. Начальство вполне резонно предположило, что немцы уничтожают важные документы. Это, безусловно, было одним из сигналов скорого начала войны.

Ещё более серьёзными доказательствами обладал мой отец. Официально он являлся начальником учебной части Высшей школы НКВД, располагавшейся тогда в Кисельном переулке, рядом с Трубной площадью. Однако его главная задача заключалась в анализе агентурных материалов, получаемых от завербованных нашей разведкой немецких граждан. Опыт отца пригодился и при подготовке кадров для работы в разведке. В канун войны он, в частности, проверял знание немецкого языка у самого Николая Кузнецова, прославившегося работой в немецком тылу в годы войны. В отчёте о телефонной беседе с Н.И. Кузнецовым отец отметил у него “блестящий берлинский акцент”, что было явным подспорьем будущему Паулю Зиберту.

С начала 1941 г. работа отца целиком и полностью была связана с подготовкой Германией войны против СССР. Агентура давала много свидетельств того, что немцы в недалёком будущем, завершив разгром англо-французов на западе Европы, начнут широкомасштабные действия против нашей страны. Правда, до мая – июня 1941 г. эти сведения носили разрозненный характер и опирались в основном на слухи и обрывочные разговоры в военных кругах Германии о скорой войне на востоке. Однако в начале июня нелегал, работавший в ведомстве немецких железных дорог, передал по тайным каналам связи уникальный по важности документ. Это был план финансирования железнодорожных связей Германии с сопредельными государствами на второе полугодие 1941 г., в котором советское направление просто не присутствовало. Отец немедленно передал бесценный материал наверх, сопроводив его своим заключением, из которого следовало, что война начнётся уже в последней декаде июня 1941 г.

После передачи сведений начальству он с нетерпением ждал ответной реакции. И она последовала 14 июня, причём самым неожиданным образом. Утром того дня позвонили из наркомата и сказали, что скоро за отцом приедет машина (он с семьёй жил тогда на служебной даче в Серебряном бору) для беседы по поднятой им теме. Машина “эмка” действительно скоро приехала, но привезла отца не к парадному подъезду на Лубянке, а во внутренний двор. Встречавший его офицер попросил сдать оружие и провел его в ту часть здания Лубянки, в которой была расположена внутренняя тюрьма НКВД. В одной из комнат сидели три незнакомых ему офицера, зачитавшие отцу документ, из которого следовало, что отца задерживали за распространение ложных слухов о возможной войне с Германией¹. Его провели в одну из камер внутренней тюрьмы, положили на стол несколько листов чистой бумаги и предложили написать признательные показания о якобы полученном им задании от британской разведки, которой он был завербован во время берлинской командировки. Также перед ним положили свежий номер “Известий”, в котором советское правительство дезавуировало все слухи о возможном конфликте между СССР и Германией. Отцу предложили позвонить матери по внутреннему телефону и сообщить ей, что он на неопределённое время задерживается на работе. Мама, по её словам, вскоре поняла, что причина отсутствия мужа – отнюдь не служебные дела.

Оставшись один на один с обрушившейся на него бедой, отец не потерял присутствия духа и мужества, письменно указав, что источниками полученной им информации являлись проверенные друзья нашей страны. Какие-либо связи с британской разведкой он категорически отрицал, сделав вывод, что в ряды НКВД приникли нацистские агенты, стремящиеся нарушить работу органов государственной безопасности. Написанное капитаном Швейцером (это звание соответствовало чину армейского подполковника) не произвело никакого впечатления на следователей, работавших по его делу. Отцу было сказано, что если к ближайшему воскресенью (22 июня) он не сознаётся, то расстрельный приговор гарантирован. В ответ он призвал следователей допросить его непосредственных начальников, которым он, в соответствии со своими служебными обязанностями, посылал регулярные рапорты о тревожной обстановке, связанной с военными приготовлениями немцев.

Отец был уверен: не напади Гитлер на СССР 22 июня, его жизнь была бы вскоре окончена. Также помог и случай. В тот воскресный день в НКВД был, впервые за последнее время, объявлен выходной, и следователи не явились за требуемыми признаниями. Тем же утром в камеру, где находился Я.В. Швейцер, вошёл курировавший его работу старший майор П.В. Федотов, который сообщил о начале военных действий. Он забрал отца из тюрьмы, получив на это устное разрешение от наркома Г.В.Н. Меркулова. Спустя несколько дней нарком распорядился перевести отца на пенсию по инвалидности, дабы закрыть это крайне неприятное, с учётом новых обстоя-

---

¹ Весьма показателен следующий эпизод, о котором мне сообщил в свое время отец. После подписания 23 августа 1939 г. советско-германского пакта, начальство Высшей школы НКВД распорядилось изъять из учебных программ всю антифашистскую литературу, явно не состыковывавшуюся с “новым курсом” в отношениях с гитлеровской Германией.

тельств, дело. Отметим, что приказ о переводе на пенсию совпал по дате с днём задержания.

Всё для победы

Несмотря на то что Я.В. Швейцер просил оставить его в рядах сотрудников НКВД, в этом ему отказали. В качестве компромисса было предложено поехать в город Горький и контролировать отправку с военных заводов на фронт соответствующей техники. С февраля 1942 г. отца восстановили как действующего сотрудника НКВД, однако не в том управлении, в котором он трудился до задержания, а в созданном Главном управлении по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Местом службы особого отдела стали лагеря для офицерского состава пленных – сначала в Казахстане, а потом в Красногорске, где отец находился вплоть до 1947 г. Его работа в должности начальника по получению важных сведений от допрашиваемых офицеров вермахта и сотрудников немецких спецслужб получила высокую оценку – он был награждён орденом “Знак почёта” и двумя орденами “Красной звезды”, что для офицера, не принимавшего участия в боевых действиях, было крайне редким явлением. Признанием его заслуг стало и досрочное, в 1946 г., присвоение ему звания полковника. Среди конкретных дел отца было получение информации о технических возможностях танка “Фердинанд” накануне Курской битвы, сведений о самоубийстве Гитлера от его ближайшего окружения из числа прислуги в бункере в Берлине, а также анализ документов, изъятых при взятии Берлина из различных секретных архивов Вермахта и германских спецслужб¹. Отец был одним из организаторов судебного процесса над гитлеровцами, чинившими зверства в г. Чернигов (1946 г.), за что был награждён одним из уже указанных орденов “Красной звезды”.

Свой профессиональный вклад в победу над фашизмом внесла и моя мама. С начала войны она была направлена на полигон в Бутово, где находился пункт слежения за начавшими уже в июле 1941 г. налёты на Москву немецкими самолётами. Её задачей был радиоперехват переговоров летчиков по поводу намеченных для бомбежки объектов. Мать рассказывала мне, что ей было очень тревожно узнавать о целях для бомбёжек в непосредственной близости от дома номер 5 по Каляевской улице, в который вся семья переехала вскоре после возвращения из Германии. В период войны она занималась подготовкой радистов для заброса в тыл немцев и обрабатывала различные материалы, полученные от наших разведчиков за линией фронта². В своей рукописной автобиографии она обозначает место своей деятельности в годы войны как Отдел 2-Ж Второго главного управления НКГБ. В одном из эпизодов, связанных с её работой, косвенно обозначился и я. В начале 1943 г., когда армия Паулюса оказалась в окружении под Сталинградом, а сам ге-

¹ Козлов В.А. Дело “Миф”. Расследование НКВД/МВД СССР обстоятельств исчезновения Гитлера. “Отечественная история”. 1996, №2, с.86, 91. В этой статье отец указан как один из исполнителей заказа начальства по поиску следов самоубийства Гитлера.

² Среди тех, кого готовила мать для работы в тылу врага, был Маркус Вольф – организатор системы разведывательных служб в послевоенной ГДР.

нерал-фельдмаршал попал в плен, маму вызвал к себе один из руководителей органов госбезопасности В. Меркулов с уже одобренным сверху указанием срочно выехать в Сталинград для участия в допросах Паулюса. Однако, увидев достаточно выразительный живот, сразу отменил её командировку, сказав буквально следующее: “Вам сейчас надо думать совсем о другом, а на ваше место я найду не менее квалифицированного переводчика”. Отмечу, что мать ходила на работу и на последних месяцах беременности. Оттуда её утром 4 июня 1943 г. отправили в ближайший роддом на Новой Басманной улице, где и появился на свет автор этих строк. Кстати, это был день последней немецкой бомбёжки Москвы.

Предложение участвовать в допросах Паулюса поступило неслучайно. Мама считалась в аппарате госбезопасности одним из лучших знатоков немецкого языка. В начале 1940 г. начальником Главного Управления Государственной Безопасности В.Н. Меркуловым ей было поручено сделать для И.В. Сталина перевод небольшого отрывка из книги Бисмарка, касавшегося отношений России и Германии. В нём “железный канцлер” полагал важным элементом германской политики партнёрские, а не конфронтационные отношения с Россией, военные действия против которой представлялись Бисмарку бесперспективными. Перевод Сталину, со слов В. Меркулова, понравился, хотя в дальнейшем он едва ли пригодился вождю. С учётом имеющейся у меня информации, тогда, в период “медовой дружбы” с Германией, Сталин готовился если не к встрече с фюрером Третьего Рейха, то, во всяком случае, к деловой переписке. А.М. Швейцер-Челнокова полагала, что глава государства сам составлял списки тех, кто мог быть полезен для допросов Паулюса, и она также была у него “на карандаше”. Как-то она, то ли в шутку, то ли всерьёз, заметила, что из-за моего грядущего появления на свет она лишилась ещё одной правительственной награды, скорее всего – ордена. Замечу, что поехавший вместо неё в Сталинград её коллега Л.А. Безыменский, впоследствии видный журналист-международник, был награждён за допросы Паулюса орденом “Красной Звезды”.

* * *

В тёплый вечер 9 мая 1945 г. вся наша семья вместе с ближайшими родственниками присоединилась к толпам москвичей в центре столицы. Для меня, сидевшего на плече старшего брата, салют Победы стал первым сознательным ощущением окружающего мира. Я с восторгом наблюдал многоцветье московского неба, шум восторженной толпы, здравицы в честь победителей фашизма. К ним, как читатель узнал из очерка, можно с полным правом отнести и моих родителей, ковавших победу в войне на её невидимом фронте.